

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. В. Куц

Подражание античности: византийская интеллектуальная жизнь XIV—XV вв.

Наличие особого интеллектуального слоя является феноменом, свойственным в средневековом европейском мире лишь византийскому социуму. На Западе процесс выделения интеллектуальной деятельности в самостоятельный род занятий начался только с XIII—XIV вв., при этом формирование интеллигенции было обусловлено становлением университетской структуры и шло параллельно с развитием европейских университетов¹. В Византии же, в отличие от европейского Запада, всегда существовала значительная интеллектуальная прослойка, которая задавала определенный тон не только в духовной сфере, но и оказывала влияние на другие составляющие общественной системы в силу включенности во властные и церковные структуры, а также в силу близости к императорскому двору многих интеллектуалов.

Интеллектуальное сообщество в Византии не было институировано (как на Западе, где интеллигенция концентрировалась преимущественно вокруг университетов), но отличалось высокой степенью замкнутости в условиях акорпорированного общества. В этом состояла еще одна типологическая особенность византийского общества в сравнении с европейской цивилизацией, где степень корпоративности различных социальных групп, за исключением позже выделившегося «цеха» образованных людей, была

высока². В Византии в условиях размытости социальных рамок между различными общественными группами тем не менее существовала общность интеллектуалов, для которой были характерны корпоративные черты. Эта замкнутость интеллектуального сообщества обуславливалась наличием прочных внутренних связей неформального характера. Внутри этого слоя существовали своя этика и этикет, особые «стиль жизни» и «правила игры», даже собственный язык, что позволяло цементировать единство и дистанцировать интеллектуалов от остальных социальных групп. Особая интеллектуальная ситуация в Византии, таким образом, также определила специфику византийской цивилизации во многих ее проявлениях. Поэтому изучение внутренних связей, поведенческих стереотипов, идейно-нравственных установок, господствовавших в интеллектуальной среде, позволяет приблизиться к пониманию данного социокультурного феномена и системы в целом.

Византийское интеллектуальное сообщество существовало в рамках системы координат, заданных, в одной стороны, историческими реалиями, в которых оно развивалось, с другой же – античной традицией. Действие этих двух, казалось бы, гомогенных установок (в силу континуитетных связей) было, однако, не одинаковым. Давление античной парадигмы оказалось преобладающим. Результатом этого стали высокая степень зависимости от традиции, постоянная оглядка на классиков, подражание античным образцам в среде византийских ученых. Насколько же это было естественным способом существования и самовыражения образованной элиты?

Для византийской культуры в целом проблема античного наследия оказалась ключевой, что выразилось в силе и устойчивости традиций во всех сферах функционирования социума³. Греческие классики были объектом не только повышенного внимания со стороны образованной части общества, но и образцом для подражания. Античных авторов не только переводили, читали и ссылались на них, но им и уподоблялись. Византийская традиция признавала и даже поощряла любые компиляции, сокращения, комментарии древних авторов. Византия могла позволить себе «фамильярничать» с греческим наследием, ассимилироваться с ним⁴. В силу

этого разрыв между высокой, интеллектуальной и профанной культурами оказался столь велик.

Ученое сообщество в Византии находилось под общим императивом античной классической образовательной парадигмы. Что всегда могло охватить *diaklypt rhydeia* – грамматику, стилистический анализ, введение в математическую и астрономическую терминологию, – все имело исходным пунктом классику и в конечном итоге ориентировалось на нее⁵. Классическое наследие являлось тем источником, из которого черпали мудрость и знания, с чего начиналось образование византийского человека.

Античность выступала также исходным пунктом любых научных штудий, поэтому постоянное оглядывание на классиков и имитация античного стиля⁶ являлись непременными атрибутами любого сочинения, начиная от простого письма и заканчивая философским дискурсом. Античность проникала в византийские тексты через реминисценции и парафразы из классиков, имена мифических и реальных исторических героев. Любой текст насыщался ссылками на классические примеры, что придавало сказанному вес и подтверждало приведенные суждения, поскольку авторитет предшественников был незыблем и неоспорим. Их авторитет был настолько велик, что именно древние авторы были высшими судьями для византийцев. Византийский интеллигент рубежа XIV–XV вв. Иоанн Хортасмен и полагался не на оценку современников, полных бесчисленных предрассудков, а на мнение предшественников: «я не допускаю судилища тех, кто такого же возраста как я сам, кто полон подозрения; надеясь на неподкупных судей, я придерживаюсь древних учителей, с которыми соглашаются многие из людей»⁷. Это приводило к сознательному отказу от настоящего и постоянной оглядке на прошлые образцы, вынуждая авторов облачать собственную речь в античные одежды.

В рамках литературных штудий образуется теория *mimesis* (имитации, подражания) классических авторов⁸. Ее следствием были речевые архаизмы. При пренебрежительном отношении к живому народному языку не только сохранялись, но и культивировались аттицизмы древних текстов. Это приводило к созданию рафинированного «интеллектуального» языка, далекого от языка толпы

и понятного лишь избранным. Писателю приходилось заботиться о языке и стиле своего сочинения, чтобы не быть уличенным в необразованности. Он заведомо предпочитал говорить на аттическом языке, стремился архаизировать речь, уподобляясь своим великим предшественникам, и избегать употребления профанных разговорных фраз. Поэтому столь распространенной практикой оставалась стилизация под эллинский язык, о чем с тщательностью заботились и митрополит Исидор Киевский, и историки XV в. Лаоник Халкокондил и Критовул⁹.

Византийские писатели извиняются за разговорный тон своего сочинения, поскольку это не соответствовало принятому в этом кругу правилу говорить в духе великих классиков, не опускаясь до языка толпы¹⁰. Известный византийский эпистолограф и политический деятель второй половины XIV в. Димитрий Кидонис в письме к молодому другу Тарханиоту заметил, что старался писать, как Платон, чтобы не бояться быть высмеянным¹¹. Византийский император Мануил II Палеолог, при дворе которого существовал интеллектуальный кружок, в ответном письме другу, жившему на Кипре и приславшему риторически совершенное послание, заметил, что тот «стал фокусником, заставив даже Кипр говорить с нами на аттическом»¹². В кругу образованных людей стыдились разговаривать и тем более писать на живом обиходном языке, поскольку это был удел непросвещенных, риторически не подготовленных, на которых высокомерно взирали интеллектуалы. Создание этого искусственного языкового барьера позволяло им сильнее ощущать свою исключительность и «посвященность».

Мануил II Палеолог в письме к некоему Бальзамону очень точно описал результат подобной стилистической имитации: «В аудиотории был человек, не знавший автора письма и его цель. Оно поразило его столь сильно, что он был почти готов поверить, что оно не могло быть плодом нашей нынешней литературной бедности, ибо он вспоминал некоторых из древних, чьи имена сохранились даже после смерти благодаря их произведениям»¹³.

Желание византийских авторов возродить эллинистический дух выразилось и в употреблении антикизирующих названий народов, стран, городов. Писатель XIV в. Георгий Пахимер сознательно за-

менял современные ему географические и этнические названия их древнегреческими эквивалентами, а также предпочитал пользоваться античным календарем¹⁴. Дмитрий Кидонис называл жителей столицы византийцами в память об античном наименовании Константинополя – Византий, а население Фессалоники – македонцами¹⁵. Другой интеллектуал Мануил Калека в своих письмах вместо Франции использовал ее языческое название – Галлия¹⁶, а митрополит Исидор Киевский (XV в.) предпочитал говорить не об Англии, а о Бриттанике¹⁷. По сути, в пространственно-временном измерении византийские писатели ощущали (или хотели ощущать) себя живущими в иной, уже не существующей реальности. Мир прошлого наслаивался на мир реальный, рождая новую квазиреальность.

Ни один из писателей поздней Византии не мог обойтись без использования античных образов. Составляющие античного семиотического ряда употребляются взвешенно, к месту, не только ради любования, но и для большей образности высказанной мысли¹⁸. И если в тексте приводится сравнение с Демосфеном или Цицероном, то становится понятно, насколько человек по силе воздействия словом подобен древнегреческим ораторам. Образ Пифагора также несет на себе определенную смысловую нагрузку, и высказывание «ты сделаешь нас из болтунов пифагорами»¹⁹ воспринимается как угроза молчания, напоминая нам об обете, данном философом.

Известный исследователь И. Шевченко заметил, что знания многих византийцев этого времени были поверхностны, а в их «эрудиции было больше блеска, чем глубины», поэтому частые ссылки на имена великих классиков, по его мнению, не всегда означали непосредственное знакомство с их сочинениями²⁰. Однако многие писатели имели хорошую образовательную подготовку, поэтому с легкостью оперировали цитатами и литературными реминисценциями из произведений своих не только греческих, но и латинских предшественников. В сочинении Мануила Хрисолоры «Сравнение древнего и нового Рима» можно найти довольно прозрачные намеки на Иоанна Хрисостома и Пиндара, явные параллели с сочинениями латинского писателя VI в. Павла Силен-

циария²¹, почти дословные цитаты из Синезия²² и Либания²³. Он показывает свое знание античной истории и исторической географии, называя имена римских императоров (Цезарь, Веспасиан, Нерон, Диоклетиан)²⁴ или вспоминая крупнейшие города древности (Мемфис, Карфаген, Вавилон)²⁵.

Актуальными остаются ссылки на известные мифологические сюжеты и античные пословицы. Исидор Киевский одно из своих писем начинает с рассказа о персидском царе Артаксерксе, который щедро наградил крестьянина за горсть питьевой воды, чтобы этим историческим примером подвигнуть местного правителя на благодеяния²⁶.

Подражание античности в среде византийских интеллектуалов нашло воплощение не только на содержательном, но и на формальном уровне. Классическая парадигма оживала в различных проявлениях интеллектуального образа жизни, в частности в такой форме общения, как переписка. Письмо воспринималось как особый вид искусства, *S fЭчнз*, со своими законами и символикой. Устойчивые эпистолярные связи между образованными людьми были продолжением античной традиции²⁷ и являлись свидетельством принадлежности человека к ученому миру. В византийской эпистолографии широкую практику получил тип «дружеского письма»²⁸. Для византийской образованности в целом было характерно особое, интеллектуально окрашенное отношение к дружбе, получившее в литературе название «ученой дружбы»²⁹.

Воссоздать «литературный быт» эпохи, наполненный духом античности, помогает также анализ такой формы интеллектуального общения, как театр. Византийские литературные салоны-театры (иЭбфспн) собирали образованную аудиторию для обсуждения научных вопросов, знакомства с новыми литературными и риторическими творениями коллег, обмена мнениями и открытой дискуссии³⁰. Так же как и поддержание эпистолярных связей, участие в театре было неотъемлемым атрибутом интеллектуального образа жизни.

Театр, уходящий своими корнями в античную традицию, позволял создать иллюзию вневременья, поскольку присутствующие преодолевали пространственно-временные барьеры и словно пе-

реносились в сады Эпикура или философские школы Милета. Проведение театра во многом сознательно было ориентировано на придание внешней привлекательности, демонстрируя приверженность античному принципу кблпкРгбиЯб, и непосредственно переживалось участниками как эстетическое действо. Чтобы адаптировать риторический жанр литературы к сцене, поскольку суть театра состояла в публичном выступлении интеллектуала, создавался соответствующий фон. К участию в литературном собрании нередко привлекались певцы и музыканты, которые сопровождали выступления ораторствующих музыкой и пением³¹.

Театр, пронизанный духом Эллады, был своего рода имитацией, подражанием, игрой в античность. Кроме того, театр воспринимался как литературная игра. Игровое начало³², агональный характер происходящего явственно проступают во время проведения театра. Вот поэтому дискутирующие между собой участники уподоблялись состязающимся, словно речь шла о каком-то спортивном соревновании, хотя в данном случае присутствующие соперничали в словесном мастерстве и интеллектуальной подготовке. «Состязающимися за прекрасное» в театре образно называет диспутантов Кидонис³³. «Состязающиеся друг с другом в собрании и в театре и спорящие о красоте», как их назвал Виссарион³⁴, стремились в жаркой дискуссии продемонстрировать весь арсенал своих доводов. Игровой элемент придавал интеллектуальным кружкам гуманистическую окраску³⁵. Но, подобно собраниям итальянских гуманистов, театр воспринимался как «серьезная игра»³⁶. Это еще больше сближало византийский театр с итальянскими академиями, возникшими в XV–XVI вв.³⁷ Феномен византийского театра обращает нас, кроме того, к проблеме диалогизма в контексте культуры³⁸. Уже сама форма проведения театра предполагает наличие интеллектуального обмена (общения) между носителями образованности. Но участники литературного собрания диалогизируют не только друг с другом, но и с иной временной (в данном случае – античной) культурой, создавая некую новую культурную реальность.

Византия выступала в роли наследницы древней Эллады, сохраняя и культивируя трепетное отношение к античности. Не в по-

следнюю очередь благодаря тонкому слою византийских интеллектуалов классическое наследие оказалось живой составляющей культурного пространства византийской и западно-европейской истории. Образованные люди не просто «играли в античность», они жили в особом мире, озаренном светом угасшей цивилизации.

¹ См.: Уваров П. Ю. Лучшие люди христианства, лучшие люди королевства: Интеллектуалы Средневековья // Элита и этнос Средневековья / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 1995. С. 206.

² Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 49; Поляковская М. А. Византия: Феномен некорпорированности общества // Екатеринбургский гуманитарий. Екатеринбург, 1999. № 1. С. 17–23.

³ См.: Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977. С. 5; Удальцова З. В. Вклад византийской культуры в культурное развитие Европы // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 33.

⁴ См.: Tatakis B. La philosophie byzantine. P., 1949. P. 229–230.

⁵ См.: Beck H. G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1994. S. 123.

⁶ См.: Hunger H. On the Imitation (мямзуйт) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23/24. P. 15–38.

⁷ Johannes Chortasmenos: Briefe, Gedichte und kleine Schriften / Publ. H. Hunger. Wien, 1969. Ep. 40. 25–28.

⁸ См.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 67.

⁹ См.: Ziegler A. W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev // BZ. 1951. Bd. 44. S. 571; Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1957. Т. 12. С. 212; Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Кривовула // ВВ. 1957. Т. 12. С. 193–194.

¹⁰ См.: Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz // Цсррereichische Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien, 1972. Bd. 277, abh. 3. S. 24.

¹¹ См.: Dümütrios Cydonus. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186. Citta del Vaticano, 1956. Vol. 1. Ep. 78.

¹² The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 32. 9.

¹³ Ibid. Ep. 34. 10–14.

¹⁴ См.: Arnakis G. G. George Pachymeres – a Byzantine Humanist // GOThR. 1966–1967. Vol. 12, nr. 2. P. 164.

¹⁵ См.: Dümütrios Cydonus. Correspondance... Ep. 177. 35–36.

¹⁶ См.: Correspondance de Manuel Calekas / Publ. R. Loenertz. Vaticano, 1950. Ep. 59. 14.

¹⁷ См.: *Ziegler A. W.* Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // ОСР. 1952. Bd. 18. S. 139. Ep. 5. 61 г.

¹⁸ См.: *Попова Т. В.* Византийская эпистолография // Византийская литература. М., 1974. С. 230.

¹⁹ *Dīmūtrius Cydonus.* Correspondance... Ep. 175. 14.

²⁰ *Львченко I.* Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981. P. 26.

²¹ См.: *Homeyer H.* Zur Synkrisis des Manuel Chrysoloras, einem Vergleich zwischen Rom und Konstantinopel. Ein Beitrag zum italienischen Frühhumanismus // Klio. 1980. Vol. 62/2. S. 527.

²² См.: *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. P., 1866. T. 156, col. 56.

²³ См.: Ibid, col. 24.

²⁴ См.: Ibid, col. 29–32.

²⁵ См.: Ibid, col. 25.

²⁶ См.: *Ziegler A. W.* Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe... Ep. 2. 1–8.

²⁷ См.: *Thraede K.* Grundzüge griechisch-römischer Briefepik. München, 1970. S. 126–127.

²⁸ См.: *Sykturis J.* Epistolographie // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Eds. G. Wissowa and W. Kroll. Stuttgart, 1931. Suppl.-Bd. V.

²⁹ См.: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978. С. 118; *Tinnefeld F.* «Freundschaft» in Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit // ИЦВ. 1973. Bd. 22. S. 153.

³⁰ См.: *Медведев И. П.* Литературные «салоны» в поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 53–59; *Куц Т. В.* Византийский иЭбфспн конца XIV–XV вв.: Некоторые наблюдения // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 323–329.

³¹ См.: *Dīmūtrius Cydonus.* Correspondance... Ep. 262. 82–83.

³² См.: *Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1992. С. 125.

³³ См.: *Dīmūtrius Cydonus.* Correspondance... Ep. 169. 52.

³⁴ См.: Aus Bessarions Gelehrtenkreis: Abhandlungen, Reden, Briefe von Bessarion, Theodoros Gazes, Michael Apostolis, Andronikos Kallistos, Georgios Trapezuntios, Niccolo Perotti, Niccolo Capranica / Ed. L. Mohler. Paderborn, 1967. Ep. 4. 16–17.

³⁵ См.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 23.

³⁶ См.: *Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 91–94.

³⁷ См.: *Кудрявцев О. Ф.* От эрудитских собраний к научным сообществам: Итальянские академии XV–XVII вв. // СВ. 1985. Т. 48. С. 176–194.

³⁸ См.: *Библер В. С.* Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей: Человек в истории. М., 1989. С. 21–31.